

БИБЛИОГРАФИЯ.

Памяти Всеволода Михайловича Гаршина.

(Художественно-литературный сборникъ, съ двумя портретами В. М. Гаршина, видомъ его могилы и 21 рисункомъ).

„Онъ думалъ о вѣчномъ страданіи, вѣчномъ рабствѣ, вѣчной тьмѣ... И это былъ камень. Камень давилъ его сердце, и сердце не выдержало, и онъ умеръ“...

Изъ неопечатаннаго произведенія Гаршина.

„Для него писательство было вопросомъ жизни и смерти; каждый новый рассказъ уносилъ съ собою часть его жизненной силы, и долго писать такимъ образомъ было нельзя“...

Изъ статьи П. О. Морозова: „Писатель“.

Цѣль выпуска этого сборника увѣковѣчить память безвременно погибшаго и высокодаровитаго писателя посредствомъ учрежденія народной школы имени покойнаго на вырученныя деньги. Въ сборникѣ помѣщены статьи Я. Абрамова, Г. Успенскаго, Н. Михайловскаго и др., нѣсколько стихотвореній и много прекрасныхъ рисунковъ нашихъ лучшихъ художниковъ, какъ, напр., Рѣпина, Шинкина и Ярошенко. Есть беллетристика: сказка Н. Щедрина „Припадокъ“ — рассказъ Чехова „На Волгѣ“ — В. Короленко и др.

По части биографическихъ свѣдѣній, обращаютъ на себя вниманіе статьи Я. Абрамова, В. Фаусека и М. Малышева. Статьи гг. Н. Михайловскаго и Г. Успенскаго замѣчательны характеристикой личности покойнаго Всеволода Михайловича, равно какъ и литературной его дѣятельности.

Обсуждая причину возникновенія болѣзни Гаршина, г. Успенскій приходитъ къ заключенію, что въ развитіи ея, помимо наследственности, играли весьма важную роль и впечатлѣнія окружавшей его жизни. Его чувство справедливости оскорблялось на каждомъ шагѣ при столкновеніи съ ненормальными условіями суровой дѣйствительности.

Всеволодъ Михайловичъ умеръ тридцати трехъ лѣтъ и въ продолженіе своей жизни успѣлъ написать только два небольшихъ томика мелкихъ рассказовъ; но въ этихъ двухъ маленькихъ томикахъ было имъ передано, по словамъ Г. Успенскаго, — „иногда строчкой, иногда однимъ, какъ въ сказкѣ, словечкомъ, названіемъ, положительно, все, что имъ пережито, передумано и перечувствовано, до конца, до полной невозможности развить свою чувствительность еще въ какую-нибудь сторону и въ какомъ-бы то ни было направленіи“.

Во всѣхъ рассказахъ Гаршина ощущается та жизненная правда, которая доставляла ему безконечное и тяжелое страданіе, — и вотъ почему его печальные и въ высшей степени трогательные очерки пользуются вниманіемъ всѣхъ его читателей. Всѣ искоренныя явленія жизни, всѣ стоны и вопли, которые на каждомъ шагѣ преслѣдовали его измученную и больную душу, находятъ себѣ приютъ на страницахъ его маленькихъ книжекъ. Читая эти книжки, читаешь, вмѣстѣ съ тѣмъ, исповѣдь страдающаго писателя. Писатель, по его мнѣнію, „страдаетъ за всѣхъ, о комъ онъ пишетъ“.

И замѣчательнѣе всего то, что среди этихъ постоянныхъ страданій и аномалій окружа-

ющей жизни онъ сумѣлъ остаться въ высшей степени гуманнымъ и привлекательнымъ ч-ловѣкомъ. „Страданія не озлобили его“, — говоритъ г. Морозовъ въ своей статьѣ „Писатель“, „онъ очищался нмѣ отъ всёхъ недостатковъ и дѣлался все кротче и добрѣ. Къ людямъ онъ сталъ относиться еще бережѣе и нѣжнѣе, какъ будто все они были такіе же слабые и больные, какъ онъ, и боялся ихъ чѣмъ-нибудь огорчить“.

Въ отдѣлѣ беллетристики обращаетъ вниманіе разсказъ г. Антона Чехова, подъ заглавіемъ „Припадокъ“. Авторъ изображаетъ намъ картину изъ міра тѣхъ несчастныхъ, забитыхъ и униженныхъ существъ, которыя извѣсны въ жизни подъ именемъ „падшихъ женщинъ“. Въ разсказѣ выведенъ студентъ-юристъ Васильевъ, восторженный идеалистъ. Онъ попадаетъ, подъ влияніемъ своихъ друзей, въ извѣстные притоны и, вслѣдствіе происходившихъ тамъ безобразій, возвращается въ такомъ возбужденномъ состояніи, что съ нимъ дѣлается нервный припадокъ. Вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія въ такомъ состояніи, онъ, по настоянію своихъ друзей, отправляется къ врачу-психіатру, который, послѣ дѣлаго ряда вопросовъ, приходитъ къ заключенію, что болѣзнь Васильева есть слѣдствіе черевуръ большого напряженія его головного мозга.

Видя, что докторъ не понимаетъ его болѣзни, Васильевъ выходитъ изъ себя.

— Вы психіатръ? — спросилъ грубо Васильевъ.

— Да-съ, психіатръ.

— Можетъ быть, все вы и правы! — сказалъ Васильевъ, поднимаясь и начиная быстро шагать изъ угла въ уголъ. — Можетъ быть! Но мнѣ все это кажется удивительнымъ! Что я былъ на двухъ факультетахъ — въ этомъ видѣть подвигъ; за то, что я написалъ сочиненіе, которое черезъ три года будетъ брошено и забудется, меня превозносятъ до небесъ, а за то, что у меня душа болитъ, за то, что о падшихъ женщинахъ я не могу говорить также хладнобровно, какъ объ этихъ стульяхъ, меня дѣчаютъ, называютъ сумасшедшимъ, сожалѣютъ!“

Васильевъ заплакалъ и уналъ въ кресло. Въ наши дни, когда даже понятіе объ идеалахъ утратило всякое значеніе, сборникъ „Памяти В. М. Гаршина“ и сочиненія послѣдняго являются свѣтлой точкой на мрачномъ фонѣ нашей меркантильной современности и грубой дѣйствительности. Въ высшей степени поучительна жизнь ч-вѣка, который, по словамъ г. Морозова, „привалъ на себя все, чѣмъ болѣло его несчастное поколѣніе“.

С. Фр—дъ.

<С.Б. Фридъ>

ющей жизни онъ сумѣлъ остаться въ высшей степени гуманнымъ и привлекательнымъ челоѣкомъ. „Страданія не озлобили его“, — говоритъ г. Морозовъ въ своей статьѣ „Писатель“, „онъ очищался ими отъ всѣхъ недостатковъ и дѣлался все кротче и добрѣе. Къ людямъ онъ сталъ относиться еще бережливѣе и нѣжнѣе, какъ будто всѣ они были такіе же слабые и больные, какъ онъ, и боялся ихъ чѣмъ-нибудь огорчить“.

Въ отдѣлѣ беллетристики обращаетъ вниманіе разсказъ г. Антона Чехова, подъ заглавіемъ „Припадокъ“. Авторъ изображаетъ намъ картину изъ міра тѣхъ несчастныхъ, забытыхъ и униженныхъ существъ, которыя извѣсны въ жизни подъ именемъ „падшихъ женщинъ“. Въ разсказѣ выведенъ студентъ-юристъ Васильевъ, восторженный идеалистъ. Онъ попадаетъ, подъ влияніемъ своихъ друзей, въ извѣстные притоны и, вслѣдствіе происходившихъ тамъ безобразій, возвращается въ такомъ возбужденномъ состояніи, что съ нимъ дѣлается нервный припадокъ. Вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія въ такомъ состояніи, онъ, по настоянію своихъ друзей, отправляется къ врачу-психіатру, который, послѣ дѣлаго ряда вопросовъ, приходитъ къ заключенію, что болѣзнь Васильева есть слѣдствіе черевчуръ большого напряженія его головного мозга.

Видя, что докторъ не понимаетъ его болѣзни, Васильевъ выходитъ изъ себя.

— Вы психіатръ? — спросилъ грубо Васильевъ.

— Да-съ, психіатръ.

— Можетъ быть, всѣ вы и правы! — сказалъ Васильевъ, поднимаясь и начиная быстро шагать изъ угла въ уголъ. — Можетъ быть! Но мнѣ все это кажется удивительнымъ! Что я былъ на двухъ факультетахъ — въ этомъ видѣть подвигъ; за то, что я написалъ сочиненіе, которое черезъ три года будетъ брошено и забудется, меня превозносить до небесъ, а за то, что у меня душа болитъ, за то, что о падшихъ женщинахъ я не могу говорить также хладнобровно, какъ объ этихъ стульяхъ, меня дѣлать, называютъ сумасшедшимъ, сожалѣють!“

Васильевъ заплакалъ и упалъ въ кресло. Въ наши дни, когда даже понятіе объ идеалахъ утратило всякое значеніе, сборникъ „Памяти В. М. Гаршина“ и сочиненія послѣдняго являются свѣтлой точкой на мрачномъ фонѣ нашей меркантильной современности и грубой дѣйствительности. Въ высшей степени поучительна жизнь челоѣка, который, по словамъ г. Морозова, „принялъ на себя все, чѣмъ болѣло его несчастное поколѣніе“.

С. Фр—дъ.

<С.Б. Фридъ>